

Марина Цветаева, 1925 г.

В Праге сохранилось несколько письменных обращений М. И. Цветаевой к Е. А. Ляцкому.

Знакомство их, вероятно, произошло в Берлине, вскоре после того, как М. И. Цветаева в 1922 г. покинула Россию. Встречи продолжались в Праге, Марина Ивановна была знакома и с женой Ляцкого — Видой Павловной Ляцкой, с ней однако взаимопонимания не установилось.

Евгений Александрович Ляцкий (3.3.1868, Минск — 7.7.1942, Прага) был известным специалистом по русской литературе. Он окончил Московский Университет, где был учеником В. Ф. Миллера, Ф. Т. Фортунатова и М. И. Соколова. Потом работал хранителем этнографического отделения Русского музея в Петрограде, организовывал этнографические исследования северных областей России.

В 1922 году Е. А. Ляцкий стал первым профессором русского языка и литературы Карлова Университета в Праге. Несколько научных обществ — в Москве, Петрограде, Лондоне, Белграде — избрали его своим членом. Первые научные статьи ученого касались белорусского фольклора, позже он сосредотачивается на истории русской литературы: занимается „Словом о полку Игореве“, И. А. Гончаровым, Н. Г. Чернышевским, В. Г. Белинским. Известны его статьи о Пушкине, Достоевском, Л. Толстом. Е. Ляцкий был автором нескольких учебников русского языка. Большой заслугой Е. А. Ляцкого была организация в Праге издательства „Пламя“ (1923—1926 гг.).

Архив Е. Ляцкого находится в Архиве Литературного Музея на Страгове (Прага), кое-что было послано Видой Павловной в архив Пушкинского Дома (Ленинград).

Два письма, публикуемые мной, взяты из архива на Страгове.

Первое, написанное в декабре 1924 г., связано с просьбой о помощи О. Е. Черновой¹.

Вшenorы, 18-го декабря 1924 г. Дорогой Евгений Александрович, Огромное спасибо за Ольгу Елисеевну. Сегодня Ваше письмо Заблоцкому² будет доставлено, посмотрим, заартачится или нет.

Если деньги все-таки удастся получить, непременно сообщу Черновой, чьему участию она обязана этой удаче.

Сердечный привет и благодарность.

М. ЦВЕТАЕВА

Второе письмо содержит просьбу помочь С. Я. Эфрону, своему мужу.

Перед нами еще одно свидетельство, что в жизни Марине Цветаевой выпала роль более сильного, чем Сергей Яковлевич, партнера. Повторяется ситуация, известная нам из давнего письма В. Розанову³, на второй год замужества: та же внутренняя необходимость помочь мужу, те же уверения, что просит о помощи без согласия С. Эфрона.

Естественность, с которой преодолевается неприемлемость для окружающего общества подобных просьб, является одним из проявлений внутренней свободы поэта, творящего как в поэзии, так и в жизни

ДВА ПИСЬМА М. И. ЦВЕТАЕВОЙ К Е. А. ЛЯЦКОМУ

М. И.

Вшenorы, 18-го декабря 1924 г.

Дорогой Евгений Александрович,
Огромное спасибо за Ольгу Елисеевну. Сегодня Ваше письмо Заблоцкому² будет доставлено, посмотрим, заартачится или нет.
Если деньги все-таки удастся получить, непременно сообщу Черновой, чьему участию она обязана этой удаче.
Сердечный привет и благодарность

М. Цветаева

свои законы. С таким подходом адресаты писем не принуждены, а избраны к действию, им только сообщается расстановка фигур для верного хода. А то, что в данном жизненном контексте главным является спасение Сергея от армии (письмо В. Розанову), или сохранение для семьи пражского студенческого пособия (письмо Е. Ляцкому), это должно быть ясно каждому.

И все-таки подтекст письма говорит о желании превратить помощь Ляцкого просто в дружескую услугу: „Выручайте!“, подпишите экзаменационный лист, станьте на правах друга снова „благодетелем“.

Если вспомнить, что сыну Георгию в это время три недели, и Марина Ивановна только-только пришла

М. И. Цветаева с дочерью Ариадной, 1925 г.

в себя от трудных родов, письмо представляется нам еще одним случаем в жизни поэта, когда слабому даны право и честь стать „собакой слепого“⁴.

Ее благородство достойно ее любви, она заявляет в письме о своей роли Санчо Пансы, нарицая Дон Кихотом Сергея Эфрона: не незавидная роль энергичной жены, а завидная роль друга Санчо Пансы (без которого Дон Кихота не было бы).

Видно, что к Ляцкому Марина Ивановна обращается не впервые: в письме — благодарность (с восклицательным знаком) „Суждено Вам быть благодетелем моего семейства!“⁵. Пишет она человеку близкому, для подписи достаточны инициалы „М. Ц.“.

Вшenorы, 23-го февраля 1925 г. Дорогой Евгений Александрович, — Выручайте! —

17-го февраля, во вторник, умер Никодим Павлович Кондаков⁶ (смерть замечательная, при встрече расскажу), а 18-го, в среду (Сергей Яковлевич) должен был держать у него экзамен. Узнав, я, несмотря на горе по Кондакову, сразу учла трудности положения и посоветовала Сергею обратиться к Вам. Он же, по свойственному ему донкихотству, стал горячо возражать против устройства своих личных дел в такую минуту („что значат мои экзамены рядом со смертью Кондакова“ и т. п.).

Поэтому, беря на себя неблагодарную роль Санчо-Пансы, действую самостоятельно и сердечно прошу Вас подписать ему экзаменационный лист, который прилагаю. Остальной минимум (греческий,

М. И. Цветаева и С. Я. Эфрон, 1911 г.

Нидерле⁶) одан блестяще.

— Суждено Вам быть благодетелем моего семейства! —

Не удивляйтесь незаполненности экзаменационного листа, — боюсь напутать с точным названием Вашего курса и чешской орфографии.

Сердечный привет и — заранее — благодарность.

М. Ц.

Адрес: Všenory, č. 23 (p. Dobřichovice u Prahy).

Уважение и большую симпатию к Е. А. Ляцкому М. Цветаева почувствовала в первые дни знакомства.

Свидетельство этому — дарственная надпись в 1922 году на книге „Стихи Духовные“.

Из-за надписи, сделанной рукой Марины Цветаевой, Вида Павловна Ляцкая подарила эту книгу мне.

„Стихи Духовные“ были составлены Е. А. Ляцким и изданы в С.-Петербурге в 1912 году. Им же была написана обширная вступительная статья.

Прочитав предисловие Е. Ляцкого, перед самым текстом „Стихов Духовных“ я обнаружила еще одно посвящение — Сергею Эфрону. Оно было написано на год раньше дарственной надписи Е. Ляцкому, в трудные дни Москвы 1921 года, в то время, когда Марина Цветаева узнала, что Сергей Эфрон жив и находится в Праге. Тогда она пишет для него циклы стихов „Георгий“ и „Благая весть“ и заочно дарит ему „Стихи Духовные“, „Словеса Золотые“:

Моему дорогому Серезеньке —
прежнюю Русь.

Марина.

— „Россия во мне, а не я в России!“
(Ваши слова перед отъездом).

И как бы включая название в оное посвящение, Цветаева уже под заголовком „Стихи Духовные“, „Словеса Золотые“ ставит место и дату: „Москва, 30-го р(усского) июля 1921 г.“.

Уезжая из России, она берет книгу с собой. А в Берлине знакомится с Е. Ляцким. Странен сам факт подарка Ляцкому его же книги. Вероятно, М. Цветаева узнала, что этой книги у него нет и, жаждущая давать радость, она, несмотря на существование уже одного посвящения, пишет новое:

„Дорогому Евгению
Александрову Ляцкому —
продолжение встречи,
начавшейся до меня.
Марина Цветаева.
Берлин, 22-го нов(ого) июля
1922 г.“

„...встречи, начавшейся до меня“ можно понять как перефраз слов Ляцкого о том, что он уже раньше познакомился с ее поэзией (а она — с его книгой).

Следующие их встречи были пражскими. Е. А. Ляцкий работает профессором Карлова Университета, здесь же учится С. Эфрон, а Марина Цветаева, на время переселившись из пригородов Праги на одну из ее окраин, вероятно, встречается с Е. А. Ляцким на лекциях

Марина Цветаева, 1924 г.

„Едноты“⁷, на концертах и поэтических вечерах. К этому времени относятся два письма, о которых говорилось выше. Вероятно, в одну из таких встреч Е. А. Ляцкий просит М. Цветаеву написать ему что-нибудь в его альбом, где уже расписались несколько известных лиц того времени. И Марина Цветаева пишет:

Не хочу, чтоб ты ушел,
Не хочу, чтоб ты остался.
Но чтоб ты меня оставил,
Но чтоб ты меня увлек.

Я всего хочу — и значит:
Не хочу я ничего.

(испанская песенка)

Дорогому Евгению Александровичу Ляцкому — некая попытка духовного (неразб.) портрета.

М. Ц.

Прага, 29-го июля 1924.

х х х

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Чернова Ольга Елисеевна — Колбасина-Чернова О. В. — друг М. Цветаевой. Жена бывшего председателя Учредительного собрания В. М. Чернова. Телю.

Автор воспоминаний „О Марине Цветаевой“ („Мосты“, Мюнхен, 1970, № 15).

2. Заблоцкий М. Л. — один из членов Земгора (Объединение Российских Земских и Городских Деятелей в Чехословацкой Республике) — организация, ставящая своей целью оказывать помощь русским гражданам, находящимся в Чехословацкой Республике. (Позже действовала в Югославии).

3. Письмо М. Цветаевой В. Розанову, Феодосия, 18 апреля 1914 г. (В кн. „Неизданные письма“, Париж, ИМКА-Пресс, 1972).

4. Письмо М. Цветаевой А. Бахраху о А. Белом: „Когда я с ним, я чувствую себя — собакой, а его — спенцом! Чужая (однородная) слабость исцеляет нашу“. Мокропсы, 20 июля 1923 г. (Новый журнал, кн. 180, 1990).

5. Кондаков Никодим Павлович (1844—1925) — профессор истории славянского искусства, вел семинар по истории византийского, средневекового и восточнославянского искусства.

6. Нидерле Любор (1865—1944) — профессор археологии и этнографии.

7. Еднота — Чешско-Русская Еднота (1919—1928). Общество, созданное с целью взаимного ознакомления с культурой и жизнью русского и чешского народов. Друг М. Цветаевой А. А. Тескова была председателем культурной комиссии Едноты, позже председателем Чешско-Русской Едноты.

ГАЛИНА ВАНЕЧКОВА (Прага).

х х х

Предлагаемые читателям письма и автографы Марины Цветаевой публикуются впервые.